

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

Граффити
ГРАФФИТИ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІ

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

ГРАФФИТИ
КНИГА СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІ

ББК 84.Р7
С83

Марка издательства работы
С. Семёнова

ISBN 978-5-89803-218-0

© С. Г. Стратановский, 2011

ГРАФФИТИ

НА ПЛОЩАДИ РЕВОЛЮЦИИ

НИЩИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ*

Вот конференция:

«Кто виноват в Революции?»
Русской, своей, не французской,
хоть и съехались в Ниццу лазурную,
А не в Питер — докладчики.

«Нищий поющий —
вот настоящий виновник
Катастрофы тогдашней...»

«Нищий поющий?
Но почему? Объясните...»

«Потому что на паперти
пели о Лазаре бедном,
Богатеем гонимом...

Так вот пели:

— *Подите, рабы мои, спихните с двора,
Спустите, рабы мои, два лютые пса,
Пускай его псы те терзают всего.*

А потом они пели

о том, как в аду богатей
Будет муку терпеть
и, горя, умолять брата Лазаря:
— *Милостивый братец, убогий Лазарь!
Выступи, братец, из рая ты вон,
Ты поди, родимый мой, на сине море,
Помочи ты, братец, мизинный свой перст,
Покропи мне, братец, кровавы уста.*

---

* В стихотворение включены цитаты из духовного стиха о Лазаре.

«Нет, — сказал ему Лазарь, —
не остужу твоих уст.
Гнал меня, гад, псов спускал —
Вот и мучайся в пламени, гад».

Пауза. Плещется море у пиний
Возле виллы старинной,
той, где симпозиум ныне,
О возмездье дискуссия.

«Так каков же Ваш вывод, коллега?»

«Вывод печален:
Так и в подвалах лубяnskих
Заключённым измученным
также ни капли воды
Не давали тюремщики».

Говорил Тухачевский:

«Чтобы я эту сволочь жалел!

Это быдло без чести,

матросню, что швыряла за борт

Офицеров в семнадцатом...

Так неужто щадить эту мразь?

Нет, не будет такого...

Станет красным от кровушки ихней

Лёд кронштадтский».

КРОНШТАДТСКИЙ МАТРОС ПРОСИТ О ПРИБАВКЕ К ПЕНСИИ

Стар я уже
и прошу за былую заслугу
Дать мне пенсию новую,
большую, чем имею.

Это я ведь придумал
топить их в глубинах морских...
Флотскую офицерню
Истреблять на корню,
но не расстрелами, не...
А топить — рыбам в корм,
Морю в корм,
чтоб в последние дни
Их тела не воскресли.

В день победы над Смертью
не отдаст мертвецов своих море.
Отдавать будет нечего,
но я не о том, не о вечном,
Не о веке грядущем,
о мимотекущем я думаю.
О прибавке заслуженной,
нет, не за выслугу лет,
За придумку разумную.

Товарищ Ленин,
    работа адова
Будет сделана
    и делается уже.
Ну а просто работа,
    наверно, не сделана будет.
Что в ней, товарищ Ленин?
    Пустотление буден, и только.
Безавральность, беспламенность...
    Да и попросту: лень ковыряться.

ГЕНРИ ФОРД

Он сказал нам: «Работайте,
а не бунтуйте, как те,
В нищей России...
А накопите долларов — кúпите
Автомобиль, вами собранный...»

Говорят, был он серым,
как Детройт, как Чикаго,
как небо над ними осеннее.
Потому что культура
распалась уже, перейдя
В мир стерильный,
деньгами обильный, мобильный,
И любому рабочему
стала доступна в Детройте
Новой марки акула.

Названья клубов пролетарских:
    «Гигант», «Титан» и «Прометей»,
Как тьмы клубящейся,
    как века без людей
Звук стенопробивной,
    как тел безлицых
На дом заоблачный буржуев-олимпийцев
Могучий натиск, штурм...

БЕЗБОЖНИК У СТАНКА*

Безбожник у станка,
    тот, что детали разные
Качественно вытачивал
    для орудий убийственно точных
И наручников прочных...
    Но вдруг искорёжило руку.

Стал он калекой,
    но не поверил, однако,
В Бога строгого, грозного,
    бьющего нас за хулу,
А поверил в науку,
    ту, что новую, умную руку
Из костей, вен и мяса
    ему обязательно сделает.

---

* Название известного в 1920–1930-е годы журнала.

Было: игра в революцию
в детском саду недокормленном —
Всесожжение игрушек,
а после, в соседнем саду,
Штурм зимнего замка...
Азарта пот, снеговой бой,
и предателя Веньки повешенье
В том же саду — на суку.

БАНКЕТ НА КРЕЙСЕРЕ «АВРОРА»

Выстрелом холостым
Бортового орудия
    был безвозвратно отвергнут
Ветхий мир.
    Мы покончили с ним.
Ну а новый расплылся кровавым пятном,
Стал колымским морозом,
    нетающим льдом,
        а потом (нынче то есть)
Винногрязным пятном стал,
        пляской банкиров на палубе
И олигархом в тельняшке.

В памятнике всем известном,
В Ленине на броневике
Дырка в результате взрыва.

Только это не бунт, не мятеж,
Не безумство Евгения
на Сенатской, у Всадника Медного,
Не душевная дрожь,
не «Ужо,
Чудотворный строитель»,
а просто гримаса насмешника —
Первоапрельский эксцесс.

Верующая с Урала,
Перворасстрельного,
    где царская семья
Была убита вся
    и слуг не пощадили,
А в Алапаевске князей Великих в шахту
Живыми сбросили...
    Недавно лишь узнала
Она об этом, и теперь
К тем гибельным местам,
    к мемориальной яме
Идёт и молится,
    и знает: гибель их
(Царей былых, князей
    и прочих им подобных)
Случилась от своих,
    от пламенных Корчагиных,
Орлят отчаянных...
    Но Павку самого
И автора его
    она как прежде любит,
Как прежде чтит
    и не отвергнет их.

И было две сестры,
    две верующих истоиво:
Одна — в Христа,
    другая — в Ленина,
И жили они врозь
    и в разных городах,
Но переписывались,
    разные миры
Стараясь помирить...
    Одна душа двойная
Дышала в них, не понимая
Саму себя...
    А умерли они
В одной больнице:
    первая — с молитвой,
Вторая — с руганью на Бога и на мир,
Столь плохо созданный,
    что сам Ильич-кумир
Его не победил, не обновил, и умер.

ГРАФФИТИ

НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

От держав агрессивных
Россия спасла грузин
И от гибели полной
спасла, вероятно, наверно...
Так случилось,
хоть в сёлах российских об этом
Знать не знали
и думать не думали.

От насилий османских
Россия спасла армян
И от гибели полной
спасла, вероятно, наверно...
Так случилось,
хоть рекруты из деревень
Знать об этом не знали,
но храбро при том воевали
За горами Кавказскими.

Россия спасла евреев
От полного уничтоженья
В Европе по крайней мере.

Так случилось,
хоть Сталин об этом не думал
И народ в Дни Победы
тоже об этом не думал,
Да и знали немногие.

Так случилось, а ведь могло быть иначе.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

А далее доклад
    про архетип отца:
Что он способствовал Победе,
Когда боролся с адом ад,
И с этим именем на фронте гибли люди.
Так было у Москвы
    и там, где Сталинград...
Так было, и народ
    не за свободу речи,
За Русь увечную и общего отца
Тогда сражался...

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

(Эпизод из «Записок о войне» Б. Слуцкого)

Жалко было, конечно...

    Так ведь война и Россия —
Белый снег, звёздный след
    на дороге смоленской, вселенской...

Ну а фриц был хороший,
    забавный такой, лопотошный,
Что-то там лопотал,
    на гармошке играл, что-то пел
И сплясал, как умел.

Мы смеялись, мы кашей его закармили
— Ишь, немчура, — говорили,
— Ешь, немчура, — говорили —
    Нашу русскую кашу.

Было лень конвоировать
    (семь километров до штаба,
Да по холоду волчьему,
    да по дороге хреновой).

Жалко было, конечно...

Так ведь война, и они
Нас не жалели и жгли
Наши хаты нехлебные...
    Ну и мы его сразу, внезапно,
Сзади, в затылок,
    чтоб со взглядом последним, предсмертным
Ненароком не встретиться.

Немец из бывших военнопленных
Смотрит на башню
у парка Победы нашей,
Башню над домом,
и вдруг говорит, обращаясь
К находящимся рядом:

«Я это строил:
Башню строил
и дом этот тоже строил,
Каменщиком сначала
и лишь потом — бригадиром.

А до этого я на войне
Был пулемётчиком и убивал, не жалея
И не видя их лиц...
(Впрочем, они наших лиц
Точно так же не видели.)

Обломился наш блиц.
Стал я пленным,
стал каменщиком умелым,
А потом — бригадиром.

Было ли это
искупленьем греха — я не знаю.
Мы об этом не думали,
просто работали честно.
Да и сам я об этом
только сегодня подумал».

Гельмут, Ганс или Отто —
    один из многих,
Фюреру служащих,
    но не оружием грозным,
Не в санчасти, не скальпелем,
    а кинокамерой — глазом,
Гибель жизни вбирающем.

Всё он фиксировал:
    танков движенье, сраженья,
Пленных русских,
    бредущих по грязи, по лужам,
Лица их обречённые
    и глаза их, идущих туда,
Где кончается солнце.

Так на плёнке его
    и остались навеки их лица.
Их глаза уцелели.

И в грядущем Суде
    в оправданье своё он предъявит
Кинохронику эту.

Всем — и солдатам, и командирам —
Запрещалось вести дневники на фронте,
И в огромную смерть
    все они уходили без слов,
Слов своих, а не общих.

Возражают: а письма?
    Так письма-то были для тех,
Кто любил их и ждал
    и кого они тоже любили,
И писали, что с ними
    всё в порядке, что скоро — победа, что всех
В день триумфа отпустят
    к родителям, к детям, к любимым.

ГРАФФИТИ НА ПЯТИЭТАЖКАХ

Были клубы на задворках: «Бригантина»,
«Алый парус», «Лисс» и «Зурбаган».
Словно из блаженного притина
К нам летели через трепетный туман
Эти звуки невзаправдашнего мира,
В чахлый скверик у калошного завода,
Где алкашная скамейка, папироска
И глоточек непротивного портвейна.

Трепет окраин,
    дальних кварталов. В конце
Улиц их вечеряющих — зарево, долгий закат,
И апрельская грязь,
    и труба беспокойства весеннего
Из окна ли соседнего
    или откуда-то с неба...

В сексе добавочный элемент
Не сперва появляется,
но наступает момент,
Когда вдруг озаряется
пустошь вьюжная в дальнем районе новом,
Где линейны дома
и куда добираться троллейбусом,
Но, когда доберёшься,
светлеет внезапно зима,
Небо шире становится.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Жили-были в апельсинах,
Завезённых из Марокко.
И вошло в сердца глубоко:
«Парни, парни,
    в наших, вроде, силах
Землю от пожара убережь...»
(Это о войне возможной речь.)

Был трубою негра мир разбужен,
Боль земли казалась неостра.
Мировой пожар?
    Кому он, на фиг, нужен!
Время греться у костра.

Помню, в «Аллюзионе»,
кинозальце окраинном, маленьком,
Фильм крутили какой-то
о декабристах в мундирах,
Мятежей командирах,
на балах говорящих намёками
О правах и свободах,
о партократии правящей
И восставших народах.

Жадно, помню, глядели.
Жадно намёки ловили,
А потом выходили
из кино молчаливой толпой
В переулок безвестный,
к заборам и вою метели.

Комплекс Ионы:

бегство от жизни советской,
От когтей КГБ,
от желания выйти на площадь
И от страха ареста —
бегство в моря-океаны,
В их глубины дремучие,
на субмарину научную,
В чрево кита из металла.

Не было летних кафе
На проспектах, на улицах...
    Не было
Сервированных столиков,
    тентов, каймы из цветов.
Что же было? «Сайгон»,
    кайф кофейный,
    портвейн в ближнем скверике
Или дальше — во дворике,
    там, где контейнер для мусора,
Дохлый куст и сарай без лица,
И где рюмку свинца,
    как однажды сказал Кудряков*,
Нам протягивал ангел.

---

* Борис Кудряков — прозаик, поэт, фотохудожник, один из замечательных людей ленинградской «второй культуры».

Магид Сергей, мой приятель,
мне рассказал как-то раз
Что Иосифа Бродского
(не его самого, а стихи его)
В неказистом блокноте
ему показал в первый раз
Пьяный лётчик какой-то
за кружкой в пивбаре у Невского,
В пиво-точке бойкой.

Где теперь лётчики эти,
что любили не только небо,
Но и речи о небе,
и с самим Кукловодом заоблачным
Разговор долгий, строгий
и в стихотворной форме.

Вот женщина, поющая в постели
О том, как с плеч своих сняла его пиджак.
«Что, Маруха? Я сделал чегой-то не так?» —
Спрашивает Андрюха,
её любовник.

А женщина поёт, колготки натянув,
О том, какой в Анапе был полковник,
И как любил,
и что дарил.
Потом уехал, но оставил телефон.
Вернулась в Ленинград,
звонила раза три,
Но было занято...
Гудки... гудки... гудки...

ГРАФФИТИ

НА БРАНДМАУЭРЕ И НА ПАКГАУЗАХ

Вечный скандал
Каждым летом у нас во дворе.
Только окна откроешь —
    как снизу доносится ор.
Ор на весь двор,
    и такой же, как в детстве советском.
Каждым летом, полвека уже, пьёт с утра
И орёт спьяну Дуся...
Нет, не сестра моей Музе,
Да и мне не сестра.

Соседям яду в суп подсыплет,
Чтоб комнатами их
        победно завладеть
И собственником стать
        квартиры этой грязной,
Из окон собственных глядеть
На мир трудящийся и праздный,
На двор, на сквер, на детвору,
И радостно стареть...
        А то служил, служил —
И фигу заслужил...
        Да и не жил почти...
Совсем, совсем не жил...
        И вот умру, умру...

Из непрóжитой жизни
как человеку вырваться?
Способы есть, например:
Вызвать оторопь, шок,
позвонив, что устройство взрывное
Им заложено будто бы...
Где? На рынке, в метро — всё равно.
Вызвать событие
и хоть на миг разрушителем,
Ангелом смерти себя ощутить и вершителем
Судеб людских,
но на миг только...
Ну а потом спад, сдвиг,
Рвотный спазм,
пьяный сон до ареста.

Чреда убийств в учебных целях,
Чтоб знали доблестных бойцов,
Чтоб не робели, чтоб в емеях
Проснулась сила их отцов,
Чтоб наши дети, наши внуки
Впредь не боялись мертвецов.
А то ревут, наткнувшись
На труп на улице...

Презентация книги «Миф о жестокости русской»:
Поздравленья и речи,
    а рядышком — водка с закуской.
Устремились к столу, стали пить, а потом знаменитого
Автора книги
    обнимать, целовать и качать,
Громко петь и кричать,
    а потом напоили подшитого,
И он умер внезапно,
    упав на сугроб у порога
Заведенья того,
    где была презентация книги.

Утверждаю научно
семиотичность окурка
Кем-то, где-то — в траву,
или в клумбу живую,
или в фонтан на юру.
На порог Храма Разума,
в тесто соседки на кухне,
А не в урну, стоящую тут же, в углу.

Утверждаю научно
семиотичность поступка
Этого или иного,
наносящего вред биосфере
И душе в той же мере, конечно.

ОБ ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКЕ

Рабий язык, говорю,
    рабский, холопский язык.
Уплотнение мира...
    Не слово, а рык или мык,
Бычий мык, но обычай, и кожей привык
Человек, искорёженный
    молотом этого мира.

Вот аттракцион «Убей Дантеса»
В многолюдном парке царскосельском,
И стреляют в обаятельного беса,
В манекен в мундире офицерском.

Будет нам аттракцион «Убей чучмека»:
В день воскресный, в парке самом лучшем,
Будем целиться в муляжного абрека
И детей своих пулять научим.

Бомбой разборчивой,
Убивающей всех чернозадых, а с белыми
Обходящейся ласково:
    их невредимыми, целыми
Жить оставляя,
    вместе с имуществом их
Всем потрафляя:
    и живущим в коттеджах зашторенных,
И бездомным в ночлежках,
    где койко-места чернозадых
Сразу станут свободными.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ

— Так всё равно ж умрём...
    К чему тогда, скажите,
Нам чистая вода
    и каждому — жильё
Отдельное? Не лучше ль общежитий
Вечерний пьяный гул?
Да и в бараках — лучше...
Привычней как-то...

ПОГОРЕЛЬЦУ — СОСЕД

Хитрован ты, Иван,
И пролаза — не то что другие:
Ишь, хоромы какие
    строят тебе, погорельцу,
По указу из центра,
    и на казённые деньги.

Ну а мне что? В хибаре,
Уцелевшей от пламени,
    дни свои доживать, что ли?
А ведь вместе и в школе
Грамотели,
    и вместе в совхозе пыхтели.

Пусть достроят твой дом,
Пусть построят,
    а я его — новым огнём
Подожгу той же ночью...
И увидит воочью
    здешний народ незапороженный,
Что жива справедливость.

Люди-рекламоносцы,
    в овощи-фрукты одетые,
В их тряпичные образы...
    Тягостно им на морозе
Рекламировать фирму,
Зябко, томительно им.

Только и радости —
    в грязном парадном погреться,
Покурить, отдышаться,
    перестать на минуточку быть
Брюквой, грушей, грейпфрутом.

◇ ◇ ◇

В вестибюле метро
    улыбается с полу лицо
На рекламе приклеенной,
    к полу нелепо прилепленной.
Что оно рекламирует?
    Пиво?
Или зубы вставные?
    И смотрит, и смотрит счастливо
На спешащие толпы,
    готовые вмиг затоптать
Человеческий лик,
    Богом слепленный.

Встав с колен, возродили
балет «Полководца Суворовый»:
Вот он вышел, суровый,
и танец со шпагой блистательно
Перед строем исполнил...
После — пляс молодецкий,
солдатский, а дальше — турецкий,
Бурей грозной,
а после — материи красной
Колыханье на сцене —
это резня в Измаиле.

ВИДЕНИЕ

Великанша-матрёшка на ножках утячьих, с дитячьим
Личиком, в город вступает готический,
По камням историческим
грузно и грозно ступает.

Смерть-балалайка, смерть-балалайка,
смерть-балалайка... трень-дрень...

ГРАФФИТИ
НА ПРОСПЕКТЕ ИННОВАТОРОВ

БОРОДИНО

Глянь-ка, дядя,
какие хоромы нехилые
Я построил у края
Бородинского поля, о нём не зная
Ничего, то есть зная,
что битва была здесь какая-то.
Ну а с кем — знают лохи,
а для нас остробашенный дом —
Дело более важное.

Хорошо б целиком, однако
Нам купить это поле
с костями эпохи далёкой.
Было б нам, где гулять
и во славу Победы великой
Фейерверки устраивать.

А с туристов и плату взимать можно было бы,
За смотрение плату,
ну и гостиницу им
На пригорке отгрохать
было бы здорово, дядя.

РУССКИЙ БИЗНЕСМЕН НА ПАТМОСЕ

Вот он — Патмос: море, скалистый мыс,
За отелем лежит многоотельный пляж
И в кафе у причала утренний ветер свеж...
Не сбылись те пророчества, не сбылись.

А в России сегодня у власти Тень,
И всё время дрожишь, что отнимут бизнес.
Здесь же — пляжная нега, живая лень...
Неужели лучшее в жизни — праздность?

Мы не верим ни в Бога, ни в Страшный Суд,
Нам приятны купанья и свежий воздух,
На фига нам Россия... Остаться бы тут,
Обрета от заботы и дела отдых.

Трудно изобразима
Коррупционная составляющая
Бизнес-проектов
в аллегорическом образе.

Разве что бабой из мрамора
или гранита сердитого,
Многорукой, как Шива,
плешивой, навек нерушимой
И стоящей как идол
на лестнице банка кредитного.

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ

Голосованье за приход весны!
Скорей глаза протри,
    зри: урны внесены
В просторный светлый зал,
    во Храм Голосованья.
Иди, тебе вручат зелёный бюллетень,
Зелёный как листва,
    его опустишь в щель
Урны, цветами убранной,
    и только тогда хмель апрельский
Ударит в голову,
    и станет светлым день,
И птицы запоют,
    и зазвенит капель.

Но, если не пойдёшь к лазурной урне,
Не будет этого,
    не будет — не надейся.

Петромосква — новый город:
От Невы и до самой Москвы всё опутано
Сетью улиц, проспектов,
    загруженных до отказа
Автотранспортом разным...
    И глядят жилмассивов ячеистых
Мириады очей...

А леса извели...
    Ни деревьев, ни птиц, ни зверей,
В заповедниках разве...

На искусственном острове,
в устье Невы, видишь: статуя
С газовым факелом,
прочнобетонная, созданная
По заказу народа,
а имя ей дали: «Осознанная
Необходимость».
То есть Свобода...
Не та, что безвластье и дикость,
Не разбой, не разборки,
но и не та, что в Нью-Йорке
К небу тянется с факелом.

НОВЫЙ ГОРОД

Быть ему Змееградом
у грязной озёрной воды,
Крабоградом с клешнями,
вместилищем хищной беды,
Где, сквозь смог пробиваясь,
будет хилое солнце дарить
Горсти радости людям.

КАРТИНКИ БУДУЩЕГО

1

Не пером и не кистью,
нагими телами на площади
Или в поле зелёном
как буквами текст нарисуйте,
Напишите ими,
что Бог велик.

Пусть не будет свидетелей,
зрителей пусть не будет...
Только Бог и увидит.

2

Из Москвы на Чукотку
метро провели — до пролива.
И теперь новобрачные
ездят туда поглядеть
Жадным оком — в бинокль
на Аляску на том берегу
(Хоть она и в снегу, но Америка).

3

На детскую войну
окончился призыв,
Ушли родители,
поплакав и забыв...
Ложимся спать, отбой... А завтра в пять утра
Подъём — и на войну
В далёкую страну,
в детей других стрелять.

Что делать! Взрослые устали воевать.

4

Ель мучительно жёлтая —
yellow fir*,

А зелёной не сыщешь...

Давно уже вечнозелёного

Нет у нас на планете.

Да и просто зелёного нет.

Извели этот цвет

и Земля постарела, но дети

Незелёной весной

на горчичной траве во дворе

Мяч гоняют по-прежнему.

---

* Жёлтая ель (*англ.*).

ГРАФФИТИ
НА РАЗРУШЕННОЙ СТЕНЕ

ОРФЕИЧ

Вызволить Эвридику
Из подвала гриппозного,
    где крысы скребутся, где стены
Замерзают зимой...
Вызволить Эвридику,
    увезти на трамвае домой,
В дом свой, дом живой,
    на захламлённый солнцем этаж,
И сказать: «Я — твой муж,
    я — твой друг, я — Орфеич...
И забудь эту сволочь,
    что тебя унижала, терзала...»
И она улыбнётся и вся встрепенётся, но вдруг,
Помрачнев обернётся, захочет обратно, в подвал —
В преисподнюю крысь...

«Я счастлива», — сказала ты тогда
В лесу февральском,
на прогулке лыжной.
Прошли года — потом пришла беда,
И чёрной стала жизнь,
но и в тоске недужной
Я помнил те слова,
что ты сказала мне
У сосен солнечных
на той прогулке лыжной.

А нам коктейль «Ночь»
всучила фирма-дочь
Испанской фирмы.
Лавром и лимоном
Благоухает он в стекле откупоренном,
Осенним серым днём
под бледным небосклоном,
В саду загубленном,
где снова мы вдвоём
Как двадцать лет назад.

А душа — как русалочка,
с рыбьим расставшись хвостом.
И тогда — как по иглам
и как по шипам босиком —
Больно, больно,
но надо ходить, болью мучась.
Что за участь?
Не лучше ль в пучине
Было жить полурыбицей
в доме солёном, морском?

Кто спасает —
    Марфа или Мария —
Нас, мужчин,
    когда мы, старея,
Ощущаем, что жизнь убывает из жил?

Марфа, должно быть...
    Заботясь о пище для нас,
О лекарствах заботясь,
    всегда хлопоча, суетясь,
Силы нам возвращает,
    к жизни нас возвращает Марфа.

Но и Мария, конечно,
    просто молясь о болящем,
Просто взором безмолвным
    тоже, конечно, спасает.

Просто поводырём
Для слепого
и костылём для калеки
Быть в этой жизни
и в достоинстве стать наравне
С человеком творящим:
с писателем, с изобретателем,
С композитором звуков,
объёмов и красочных масс
И с учёным,
творцом и спецом
По загадкам научным,
а также с врачом наилучшим
Вровень стать, наравне...
Человеком вполне, пусть не гением,
И в другом неумелом.

...И НА ПОСЛЕДНЕЙ СТЕНЕ

Миром правят без нас,
а мы неожиданно, поутру
Узнаём о беде,
об обвале фрагмента истории.

Так корабль из Эстонии,
в августе сорокового
В порт далёкий вошедший...
Так матросы его, загуляв
В заведение портовом,
узнают неожиданно поутру,
Что исчезла их родина.

Лагерная дорога
Кольцевая, и ходит по ней
Трёхвагонный состав
    с паровозом усталым и старым,
С машинистом — тоже из заключённых.

Так что если и спрячешься
За мешками какими-то,
    в тёмном углу вагонном
И поедешь,
    то, круг отмотав, вновь окажешься
В том же самом лагпункте.

Что там на Севере?

Том, где Карсавин когда-то

Умирал долго, трудно...

Что там? Лишайники? Мох?

Тундра скудная...

Деревце разве кривое

Да болотце гнилое...

Но небо... но небо такое,

Как нигде не бывает.

Свет трепетный

В нём играет

и близится Бог.

ЭВЕНКИЙСКИЕ ПОХОРОНЫ

В утреннем мире мёртвых
сыновей уложите спать.
Пусть им солнце иное
застывшие лица омает.
Солнце утра беззвучного
пусть омает...

Так и уходит народ.
Погибает народ. Молодые
Раньше старых уходят
в края голубые, иные...
Ибо хвоя земная
уже побелела, больная.

В утреннем мире мёртвых
сыновей уложите спать.

Профессия болеть,
и как реки изгибы
Становится болезнь...
Куда течёт река?
В Ничто, в небытиё
или в миры иные,
Где встретят ангелы,
но ангелы немые,
Не говорящие зачем была болезнь.

Чашка смерти простая,
а там, под кроватью, иная...
Той же смерти посудина...
Как же, однако, обыденно
И унизительно как
Умирание длинное...

Души, если бессмертны,
    чем там, за смертью, живут?
Памятью утлой, прокруткой
Лент о жизни свершившейся,
    фильмов непоправимых,
И печалюсь о том,
    что нельзя попросить никого
Что-то снять по-другому.

По телевизору о том, что мы-то сами,
Род человеческий, живём благодаря
Погибшим звёздам, что они
Во время гибели и были Божествами,
Творцами были,
        взломщиками Тьмы.
И может быть, когда и мы
Погибнем,
        то отправим импульс, весть,
Луч созидания в пугающие дали.

Дерево на косогоре,
Дерево в нитях дождя,
В неводе солнечном
    листьев шумящее море.

Вот оно — дерево **Ж**изни.

СОДЕРЖАНИЕ

Граффити на площади Революции

Нищие и Революция.....	6
«Говорил Тухачевский...»	8
Кронштадтский матрос просит о прибавке к пенсии	9
«Товарищ Ленин...»	10
Генри Форд.....	11
«Названья клубов пролетарских...»	12
Безбожник у станка	13
«Было: игра в революцию...»	14
Банкет на крейсере «Аврора».....	15
«В памятнике всем известном...».....	16
«Верующая с Урала...»	17
«И было две сестры...»	18

Граффити на площади Победы

«От держав агрессивных...»	20
Военно-историческая конференция.....	21
Рассказ ветерана (<i>Эпизод из «Записок о войне» Б. Слуцкого</i>)	22
«Немец из бывших военнопленных...»	23
«Гельмут, Ганс или Отто...»	24
«Всем — и солдатам, и командирам...».....	25

Граффити на пятиэтажках

«Были клубы на задворках: "Бригантина"...».....	28
«Трепет окраин...»	29
«В сексе добавочный элемент...»	30
Шестидесятники.....	31
«Помню, в "Аллюзионе"...»	32
«Комплекс Ионы...»	33
«Не было летних кафе...»	34
«Магид Сергей, мой приятель...».....	35
«Вот женщина, поющая в постели...»	36

Граффити на брандмауэре и на пакгаузах

«Вечный скандал...»	38
«Соседям яду в суп подсыплет...».....	39

«Из непрóжитой жизни...».....	40
«Чреда убийств в учебных целях...».....	41
«Презентация книги "Миф о жестокости русской"...».....	42
«Утверждаю научно...».....	43
Об обсценной лексике.....	44
«Вот аттракцион "Убей Дантеса"...».....	45
«Бомбой разборчивой...».....	46
Голос из толпы.....	47
Погорельцу — сосед.....	48
«Люди-рекламоносцы...».....	49
«В вестибюле метро...».....	50
«Встав с колен, возродили...».....	51
Видение.....	52

Граффити на проспекте Инноваторов

Бородино.....	54
Русский бизнесмен на Патмосе.....	55
«Трудно изобразима...».....	56
Предвыборная агитация.....	57
«Петромосква — новый город...».....	58
«На искусственном острове...».....	59
Новый город.....	60
Картинки будущего.....	61

Граффити на разрушенной стене

Орфеич.....	64
«"Я счастлива", — сказала ты тогда...».....	65
«А нам коктейль "Ночь"...».....	66
«А душа — как русалочка...».....	67
«Кто спасает...».....	68
«Просто поводирём...».....	69

...и на последней стене

«Миром правят без нас...».....	72
«Лагерная дорога...».....	73
«Что там на Севере...».....	74
Эвенкийские похороны.....	75
«Профессия болеть...».....	76
«Чашка смерти простая...»,.....	77
«Души, если бессмертны...».....	78
«По телевизору о том, что мы-то сами...».....	79
«Дерево на косогоре...».....	80

**«ПУШКИНСКИМ ФОНДОМ»,
В СЕРИИ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ», ВЫПУЩЕНЫ:**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина
- **О. Шамборант.** Признаки жизни
- **А. Генис.** Пейзажи
- **С. Лурье.** Успехи ясновидения
- **О. Шамборант.** Срок годности
- **О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- **В. Соснора.** 15
- **С. Гандлевский.** Странные сближения
- **С. Лурье.** Нечто и взгляд

**ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ
ТАКЖЕ ВНЕСЕРИЙНЫЕ КНИГИ:**

- **В. Кальпиди.** Ресницы
- **Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- **Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- **А. Ерёмченко.** Горизонтальная страна
- **Гильгамеш.** Аккадское сказание
- **А. Цветков.** Дивно молвить
- **Е. Шварц.** Сочинения в 4 томах
- **С. Гандлевский.** Найти охотника
- **Б. Рыжий.** Стихи
- **В. Соснора.** Всадники
- **В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- **М. Дидушенко.** Полоса отчуждения
- **Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- **А. Березин.** Пики-козыри
- **Т. Кибиров.** Внеклассное чтение
- **А. Березин.** Самоорганизация материи

Приобрести книги можно в издательстве:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда». Тел.: (812) 273-37-24, факс: (812) 273-52-56

С83

Стратановский С.

Граффити. Книга стихов разных лет.

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2011. — 84 с.

ISBN 978-5-89803-218-0

ББК 84. Р7

Стратановский Сергей Георгиевич

Граффити

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2011

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД